

ИЗМЕНА.

НАУЧИ ЛЮБОВНИЦУ
БЫТЬ МНОЙ

Виктория Северина

**Измена: Научи
любовницу быть мной!**

«Литнет»

2026

Северина В.

Измена: Научи любовницу быть мной! / В. Северина —
«Литнет», 2026

Двадцать лет я строила гостиничную империю мужа. Придумывала проекты, спасала сделки, собирала команду и улыбалась рядом с ним на фотографиях. А в день нашей годовщины застала Дениса в президентском номере с молодой любовницей. Я думала, он будет оправдываться. Вместо этого муж положил передо мной план нашего развода. — До открытия нового отеля ты останешься моей женой, — спокойно сообщил он. — Алиса беременна и пока не готова занять твоё место. Передай ей свои контакты, научи общаться с партнёрами и объясни, как вести себя рядом со мной. — Ты предлагаешь мне подготовить собственную замену? Денис даже не отвёл взгляда. — Я прошу тебя научить любовницу быть тобой. Он уверен, что я проглочу унижение. Что не брошу дело всей жизни. Что подпишу нужные бумаги, отдам ему семейный пансионат и тихо исчезну после открытия. В одном Денис прав. Я действительно останусь ещё ненадолго. Но не для того, чтобы сделать из его любовницы новую жену. А чтобы вернуть себе всё, что он двадцать лет называл своим.

Содержание

Глава 1. Папка из президентского номера	5
Глава 2. Ребёнок, ради которого меня отменили	20
Глава 3. Моя подпись под чужой сделкой	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Папка из президентского номера

До официального открытия «Дома Вельяминовых» оставалось десять недель, но в тот вечер гостиница уже выглядела так, словно принимала гостей не первый год. В парадном холле горели восстановленные бронзовые люстры, по мраморному полу бесшумно скользили официанты, а в высоких окнах отражались огни набережной и тёмная вода реки. Не работало ещё целое западное крыло, на третьем этаже продолжали укладывать паркет, а за декоративными панелями банкетного зала прятались временные кабели, однако всё, что мог увидеть приглашённый гость, было доведено до безупречности.

Именно этому я учила сотрудников двадцать лет: посетитель не должен догадываться, сколько усилий потребовалось, чтобы его вечер казался лёгким. Если где-то сорвался подрядчик, заболел повар, треснула плитка или застрял грузовик с бельём, проблема существовала только до тех пор, пока её не увидел гость. После этого она превращалась уже не в рабочую неприятность, а в нашу профессиональную несостоятельность.

Я стояла возле входа в главный зал и улыбалась людям, каждого из которых знала если не лично, то хотя бы по тщательно собранному досье. Заместитель губернатора любил, когда его называли по имени и отчеству, но раздражался от чрезмерного внимания к должности. Руководитель инвестиционного фонда предпочитал сухое белое вино и ненавидел публичные тосты. Владелица сети ювелирных салонов никогда не садилась спиной к двери после того, как несколько лет назад пережила ограбление. Эти сведения не хранились в официальной базе холдинга. Они жили в моей памяти, в заметках на полях старых ежедневников и в привычке замечать то, что другие считали неважными мелочами.

— Наталья Андреевна, вас уже потеряли журналисты из «Делового города», — тихо сказала администратор Вика, приблизившись ко мне со стороны колоннады. Она старалась говорить спокойно, но пальцы, сжимавшие планшет, выдавали волнение. — Они хотят снять вас с Денисом Игоревичем у лестницы, пока там свободно.

— Через пять минут, — ответила я, не переставая улыбаться пожилой паре, проходившей в зал. Я дождалась, когда гости отойдут, и только после этого повернулась к Вике. — Сначала проверьте, чтобы на втором пролёте убрали защитную ленту. Она попадает в отражение зеркала. И найдите Ларису Петровну, у неё юбилей в следующем месяце, мы обещали заранее показать ей малый зал.

Вика быстро кивнула и исчезла среди приглашённых, а я позволила себе на несколько секунд прислониться ладонью к холодному мрамору колонны. Каблуки я надела впервые после нескольких недель, проведённых на стройке в удобных ботинках, и к концу вечера уже чувствовала каждую ступеньку, по которой пришлось подняться. Бордовое платье сидело безупречно, волосы были уложены так, будто я не провела утро, споря с инженерами по поводу вентиляции в северной галерее, а день — проверяя номера перед приездом инвесторов. Для гостей я была не исполнительным директором, который три часа назад стоял на коленях возле открытого технического люка и пытался понять, почему датчик показывает ошибку. Я была Натальей Корсаковой, женой основателя холдинга, женщиной, которая двадцать лет улыбалась рядом с мужем на всех важных фотографиях.

На другом конце зала Денис разговаривал с представителем банка. Он стоял вполборота ко мне, держа бокал на уровне груди, и время от времени наклонял голову, изображая внимательность. С возрастом он стал только увереннее в собственной привлекательности. Серебро на висках не старило его, а придавало лицу ту респектабельность, которую невозможно купить вместе с дорогим костюмом. Денис умел выглядеть человеком, заранее знающим ответ на любой вопрос, и окружающие охотно верили в этот образ.

Он поймал мой взгляд и поднял бокал, словно предлагая молчаливый тост. Я ответила короткой улыбкой, хотя внутри уже подсчитывала, сколько времени осталось до демонстрации фильма и совместного выступления. По программе после ролика Денис должен был рассказать о будущем холдинга, а я — о восстановлении «Дома Вельяминовых». В заключение мы собирались произнести несколько личных слов по случаю двадцатилетия брака. Идея соединить два события принадлежала рекламному отделу, и сначала я возражала, однако Денис убедил меня, что семейная история давно стала частью бренда.

— Люди вкладываются не только в стены, Наташа, — объяснял он месяц назад, просматривая первый вариант сценария. Он тогда сидел за моим столом, рассеянно перелистывал страницы и время от времени вычёркивал целые абзацы. — Они хотят понимать, что за бизнесом стоят живые люди. Мы начали вместе, прошли через всё вместе и теперь открываем главный отель сети тоже вместе. Это сильный образ.

Я согласилась, хотя слово «образ» неприятно царапнуло слух. В последние годы Денис всё чаще говорил о нашей семье так, словно она существовала прежде всего для презентаций, интервью и фотографий в деловых журналах. Тогда я объяснила это профессиональной привычкой. Мы оба слишком давно жили внутри компании и перестали замечать границу между работой и домом.

Музыка в зале стала тише, а на установленном у сцены экране появился золотой знак «Корсаков Дом». Гости начали поворачиваться к рядам кресел, и я заняла место рядом с Денисом в первом ряду. Он положил ладонь на спинку моего кресла, не касаясь меня, но создавая для фотографов знакомую композицию близости.

— Всё в порядке? — спросил он, наклонившись ко мне. Его голос звучал мягко, однако взгляд продолжал следить за перемещениями оператора и журналистов. — Ты выглядишь уставшей.

— Западное крыло снова отстаёт на два дня, — тихо ответила я, поправляя складку платья. — Но подрядчик обещал добавить вторую смену. Если не подведут с паркетом, вернёмся в график.

— Я спрашивал не про паркет, — заметил Денис с едва заметной улыбкой. Он всё-таки коснулся моего плеча кончиками пальцев, и камера у сцены немедленно повернулась в нашу сторону. — Сегодня наш вечер. Постарайся хотя бы полчаса не быть исполнительным директором.

Я посмотрела на него и хотела сказать, что именно исполнительный директор обеспечил существование этого вечера, но свет в зале погас. Спорить перед началом фильма не имело смысла, поэтому я только выпрямилась и перевела взгляд на экран.

Первые кадры вызвали у меня почти нежность. На экране появился «Тихий берег» двадцатилетней давности — облупившийся двухэтажный дом с провалившейся верандой, заросшим садом и ржавой вывеской над входом. Затем показали старую фотографию, на которой мы с Денисом стояли возле крыльца в рабочих куртках. Мне было двадцать четыре, ему — двадцать девять. Я держала в руках рулон чертежей и смеялась, потому что за секунду до снимка Денис наступил в ведро с известью.

Закадровый голос рассказывал о молодой семье, решившей превратить заброшенный пансионат в первый исторический отель региона. Появлялись фотографии ремонта, первые комнаты, кухня, где мы сами красили шкафы, и сад, который расчищали вместе с нанятыми студентами. Несколько раз в кадре мелькала моя бабушка, ещё живая, сердитая и гордая, наблюдавшая за тем, как чужие люди разбирают старые перегородки её дома.

Я улыбнулась, забыв на мгновение о партнёрах, кредитах и незакрытом западном крыле. Всё действительно начиналось там. Не в красивом офисе, не с крупного инвестора и не с фамилии Корсакова на фасаде. С бабушкиного дома, проданной квартиры и моей уверенности, что

люди захотят приезжать не в одинаковые гостиничные коробки, а в места с собственной памятью.

Затем тон фильма изменился. Музыка стала торжественнее, на экране появились новые объекты, деловые встречи и первые награды. Закадровый голос уже не говорил о молодой семье. Теперь он рассказывал о предпринимателе Денисе Корсакове, который увидел перспективу исторического туризма, создал новую модель гостиничного бизнеса и сумел объединить наследие прошлого с современными стандартами.

Я ещё улыбалась, когда услышала эту формулировку. Сначала решила, что просто слишком внимательно вслушиваюсь. В коротком фильме невозможно перечислить вклад каждого человека, а Денис действительно занимался финансированием, переговорами и развитием сети. Без его способности убеждать банкиров и инвесторов первый пансионат, возможно, так и остался бы единственным.

На экране появился второй отель. Закадровый голос сообщил, что Денис Корсаков лично разработал принципы бережной реконструкции и ввёл новые стандарты работы с постоянными гостями. Я медленно повернула голову к мужу, но он смотрел на экран с выражением спокойной сосредоточенности. Ни тени удивления на лице не появилось.

Принципы бережной реконструкции я написала в старой тетради в клетку, когда мы спорили с первым архитектором. Стандарты работы с постоянными гостями появились после того, как пожилая женщина приехала в «Тихий берег» на годовщину смерти мужа и обнаружила, что номер, где они когда-то останавливались вместе, отдали другой паре. Я тогда полночи сидела с ней на веранде, а утром составила правила, которые позднее стали обязательными для всей сети.

Фильм продолжался. Меня показывали на фотографиях рядом с Денисом, но голос за кадром называл меня только супругой, поддерживавшей мужа в начале пути. На кадрах с первым благотворительным вечером я стояла у сцены, однако зрителям сообщали, что именно Денис создал программу помощи региональным музеям. На фотографии с командой после открытия третьего отеля моё лицо находилось почти в центре, но рассказ снова шёл исключительно о его управленческом таланте.

Я чувствовала, как внутри поднимается холодное раздражение. Оно было слишком профессиональным, почти привычным, чтобы сразу превратиться в обиду. Рекламный отдел увлёкся удобной историей о великом основателе. Алиса Ветрова любила ясные конструкции, ярких героев и простые эмоциональные линии. Вероятно, ей показалось, что зрителям будет легче следить за судьбой одного человека, чем понимать сложное распределение ролей между супругами.

Я найду её после мероприятия, решила я. Мы вместе пересмотрим текст, восстановим факты и заменим фильм до официального открытия. Никакой катастрофы не произошло. Сегодняшний вечер был закрытым, а ролик ещё не попал в публичный доступ.

И всё же ладонь Дениса, лежавшая на спинке моего кресла, внезапно стала раздражать. Мне захотелось спросить, видел ли он окончательную версию. Хотелось повернуться и заставить его объяснить, почему человек, который двадцать лет слышал от меня истории каждого решения, спокойно смотрит фильм, где этих решений у меня никогда не было.

Свет включился раньше, чем я успела заговорить. Гости зааплодировали, а Денис поднялся первым и протянул мне руку. Камеры снова повернулись к нам, поэтому я вложила пальцы в его ладонь и позволила помочь себе встать.

— Красиво получилось, — произнёс он, наклоняясь к моему уху. От него пахло знакомым древесным одеколоном, который я сама выбрала несколько лет назад. — Алиса хорошо поработала.

— Мы обсудим этот фильм после вечера, — ответила я, сохраняя улыбку для фотографов. Я высвободила руку и поправила браслет, чтобы движение выглядело естественным. — В нём есть фактические ошибки.

— Не сейчас, Наташа, — спокойно сказал Денис. Он уже смотрел поверх моего плеча на подходящего банкира и говорил тем тоном, каким обычно откладывал разговоры, не представлявшие для него срочности. — Сегодня никого не интересуют мелкие формулировки.

Слова задели сильнее, чем сам фильм. Я знала, сколько денег Денис был готов потратить на исправление одной буквы в названии должности, если речь шла о его титуле. Однако объяснять это посреди зала не собиралась. Я отступила в сторону, пропуская к нему гостей, и направилась к сцене проверить порядок выступлений.

Следующие двадцать минут прошли в привычном ритме. Я ответила на вопросы журналистов, познакомила двух партнёров, заметила, что в боковом проходе погас светильник, и отправила сообщение техническому директору. Внешне вечер продолжал развиваться идеально, но где-то на краю сознания оставался фильм. Я мысленно перебирала формулировки, уже составляя список необходимых изменений.

Алису я увидела возле двери в служебную галерею. Она стояла рядом с одной из сотрудниц рекламного отдела, быстро просматривая что-то на планшете. На ней было чёрное платье с закрытыми плечами и тонким серебристым поясом. Для вечера такого уровня наряд выглядел одновременно сдержанным и слишком тщательно подобранным, словно Алиса хотела не просто работать за сценой, а быть замеченной.

Она подняла голову и встретила со мной взглядом. Обычно Алиса сразу улыбалась — профессионально, уверенно, чуть шире, чем требовала ситуация. В этот раз её лицо на мгновение стало напряжённым. Она отвела глаза и что-то сказала сотруднице, после чего быстро ушла за дверь.

Мне показалось, что она нервничает из-за фильма. Возможно, уже поняла, что позволила себе слишком многое, и ожидала неприятного разговора. Я почти позвала её, но в этот момент ко мне подошёл Максим, личный помощник Дениса.

— Наталья Андреевна, простите, что отвлекаю, — произнёс он, понизив голос и остановившись так, чтобы не мешать проходящим гостям. Максим работал с мужем четвёртый год и успел перенять его способность сохранять невозмутимость даже во время пожара. — Денис Игоревич просил передать, что окончательный текст вашего общего выступления остался в сейфе президентского номера.

— Почему он оказался там? — спросила я, посмотрев на часы. До выхода на сцену оставалось чуть больше получаса. — У меня была копия в папке организаторов.

— Денис Игоревич внёс последние изменения после разговора с банком, — объяснил Максим, но взгляд его на секунду скользнул в сторону. — Сейчас он сам находится наверху, у него закрытый видеозвонок с господином Серовым. Он просил забрать папку из сейфа, чтобы не задерживать программу.

— Код сейфа тот же? — уточнила я, уже направляясь к лифту. Раздражение снова поднялось внутри, но относилось теперь прежде всего к привычке Дениса менять согласованные тексты в последний момент. — Или мне придётся прерывать его важнейший разговор?

— Код тот же, — ответил Максим и поспешил открыть передо мной служебную дверь. Он говорил ровно, однако слишком быстро добавил: — Президентский этаж закрыт, персонал предупреждён. Вам никто не помешает.

Последняя фраза показалась странной, но я не остановилась. Максим, вероятно, просто хотел заверить меня, что не придётся объяснять охране, почему я иду в ещё не открытые номера во время приёма.

Лифт поднялся на шестой этаж почти бесшумно. Пока кабина двигалась, я смотрела на своё отражение в зеркальной стене и впервые замечала усталость, которую Денис увидел

раньше. Под глазами проступили тонкие тени, уголки губ опустились, а идеальная причёска уже не скрывала выбившуюся у виска прядь.

Мне было сорок четыре. Не старость, не конец жизни и даже не возраст, которого следовало стыдиться. И всё же после фильма я внезапно увидела себя глазами рекламного отдела: женщина рядом с основателем, часть ранней истории, привычная фигура на фотографиях, которую можно оставить за кадром, если она мешает ясности сюжета.

Двери лифта открылись, и я вышла в пустой коридор. На президентском этаже горели только настенные светильники, ковровая дорожка заглушала шаги, а за окнами чернела река. Издалека доносился приглушённый гул мероприятия, но здесь он казался звуком из другого мира.

На двери номера горел зелёный индикатор. Я приложила служебную карту и вошла, не постучав. Денис знал, что я должна забрать папку, и закрытый видеозвонок не требовал от меня церемоний. Я собиралась тихо пройти в кабинет, открыть сейф и так же тихо уйти.

В гостиной никого не было. На столе стояли два бокала, один почти пустой, второй нетронутый. Рядом лежал мужской галстук, аккуратно сложенный пополам, и женский клатч, который я уже видела несколько минут назад в руках Алисы.

Мозг успел узнать вещь раньше, чем я позволила себе понять её присутствие. Я остановилась, прислушиваясь к тишине. Из спальни донёсся приглушённый звук, похожий на судорожный вдох, затем голос Дениса.

— Тебе лучше лечь, — говорил он негромко, с тем терпеливым раздражением, которое появлялось у него, когда обстоятельства нарушали план. — Через пять минут пройдёт.

Я сделала несколько шагов. Дверь спальни была приоткрыта, и мне не пришлось входить внутрь, чтобы увидеть достаточно.

Алиса сидела на краю кровати в расстёгнутом платье, прижимая к губам салфетку. Её длинные тёмные волосы рассыпались по плечам, туфли стояли на полу, а серебристый пояс валялся возле кресла. Денис находился рядом без пиджака и рубашки. Он держал в руках бутылку воды и смотрел на Алису так, как когда-то смотрел на меня во время приступов мигрени: сосредоточенно, почти заботливо, но одновременно недовольно тем, что человеческое тело не подчиняется расписанию.

Я не закричала. Не выронила сумку и не произнесла ни одного из тех слов, которые в подобных сценах всегда приходят слишком поздно. Я просто стояла в дверях и смотрела на мужа.

Первой меня заметила Алиса. Её глаза расширились, лицо побелело ещё сильнее, а рука с салфеткой застыла возле губ. Она попыталась подняться, но тут же схватилась за край кровати.

Денис проследил за её взглядом и обернулся. На его лице появилось не испуганное, не виноватое, а раздражённое выражение. Оно длилось всего секунду, прежде чем он вернул себе привычное спокойствие, однако этой секунды мне оказалось достаточно.

Он не боялся, что я увидела измену. Его злило, что я увидела её не по расписанию.

— Наташа, — произнёс Денис, медленно ставя бутылку на тумбочку. Он говорил почти тем же голосом, которым несколько минут назад просил меня не обсуждать фильм. — Ты должна была забрать папку из сейфа.

— Я за ней и пришла, — ответила я. Собственный голос показался чужим, слишком ровным и тихим. — Максим сказал, что ты разговариваешь с инвестором.

Денис бросил короткий взгляд на часы. На его запястье блеснули часы, которые я подарила ему на пятнадцатую годовщину свадьбы. Рубашка лежала на кресле рядом с пиджаком, и на белой ткани темнел след губной помады.

— Разговор закончился раньше, — сказал он, словно это объясняло всё остальное. Денис взял рубашку и начал застёгивать пуговицы без торопливости. — Ситуация вышла неудачная. Но сейчас нам всем необходимо успокоиться.

Алиса наконец поднялась с кровати. Она прижала платье к груди и, избегая смотреть на меня, потянулась за поясом.

— Я уйду, — быстро произнесла она. Голос дрожал, и за привычной уверенностью не осталось ничего. — Денис, я спущусь через служебный лифт. Никто не увидит.

— Ты никуда сейчас не пойдёшь, — остановил её муж, не повышая голоса. Он застегнул последнюю пуговицу и только после этого повернулся к ней. — Ты бледная, волосы растрёпаны, а в коридоре могут оказаться сотрудники. Подождёшь здесь, пока не придёшь в норму.

— В норму? — переспросила я, и в груди впервые шевельнулось что-то похожее на ярость. До этого была только холодная пустота, в которой отдельные детали существовали яснее целой картины. — Ты предлагаешь нам всем прийти в норму?

Денис надел пиджак и провёл ладонью по волосам, проверяя отражение в зеркале. Он делал это автоматически, как перед любой деловой встречей. Я смотрела на человека, с которым прожила двадцать лет, и не могла понять, когда именно он научился поправлять костюм между изменой и совместной речью о семейных ценностях.

— Я предлагаю не принимать решений в состоянии шока, — ответил он, поворачиваясь ко мне. Его тон стал мягче, почти примирительным, и от этого хотелось ударить его сильнее, чем если бы он начал оправдываться. — Через двадцать восемь минут мы должны выйти к гостям. Внизу банк, инвесторы, журналисты и сотрудники. Ты не захочешь, чтобы их работа оказалась уничтожена из-за личного разговора, который всё равно придётся провести спокойно.

— Сколько? — спросила я, не двигаясь с места. Алиса замерла возле кресла, всё ещё прижимая к себе платье. — Сколько времени это продолжается?

Денис посмотрел на неё, затем снова на меня. Короткая пауза выдала, что ответ существовал давно и не требовал подсчётов.

— Сейчас не лучший момент обсуждать подробности, — сказал он, подходя к письменному столу. Он говорил с подчёркнутым терпением, словно я задавала вопрос, не относящийся к повестке совещания. — Я собирался объяснить всё после открытия.

— Ты собирался объяснить мне после открытия, что спишь с моей сотрудницей? — уточнила я, чувствуя, как пальцы начинают дрожать. Я сжала их вокруг ручки сумки и заставила себя не отводить взгляда. — Или после открытия ты собирался сообщить, что наша спальня больше не входит в мою зону ответственности?

Алиса вздрогнула, будто слова были обращены к ней. Она наконец застегнула платье, но молнию на спине не смогла поднять до конца. Денис заметил это и сделал движение в её сторону, однако остановился, встретившись со мной глазами.

— Не превращай разговор в сцену, — попросил он. В его голосе прозвучала первая нотка настоящего недовольства. — Мы оба слишком взрослые люди, чтобы обсуждать происходящее подобным образом.

— Подобным образом — это каким? — Я сделала шаг в спальню, и Алиса невольно отступила. — Стоя в номере, где мой муж только что был с другой женщиной? Прости, Денис, у меня не было времени подобрать более достойные обстоятельства.

Он глубоко вдохнул и посмотрел на часы ещё раз. Даже теперь главным противником для него оставалось время. Не моя боль, не страх Алисы и не разрушенный брак, а двадцать семь минут до выхода на сцену.

— Хорошо, — произнёс Денис, приняв решение. Он прошёл мимо меня в гостиную и направился к встроенному шкафу. — Раз уж всё произошло сейчас, нет смысла откладывать основную часть разговора. Папка действительно находится в сейфе. Только не та, о которой тебе сказал Максим.

Я смотрела ему вслед, не сразу понимая смысл слов. Алиса осталась возле кровати. Её дыхание всё ещё было неровным, а на лбу выступили капли пота.

— Вам плохо? — спросила я, повернувшись к ней. Вопрос вырвался по привычке, прежде чем я успела решить, имею ли право сейчас о ней заботиться. — Это из-за того, что вы испугались?

Алиса подняла на меня глаза. В них мелькнуло что-то похожее на стыд, однако почти сразу уступило место напряжённой решимости.

— Не только, — ответила она, положив ладонь на живот. Движение было коротким, но слишком осознанным, чтобы я не заметила. — Я последние недели плохо переношу запах алкоголя.

Смысл дошёл не сразу. Я посмотрела на бокалы в гостиной, затем на её руку. Алиса поняла, что сказала больше, чем собиралась, и прикусила губу.

Денис открыл сейф и достал тёмно-синюю папку. Услышав последнюю фразу, он не удивился, а только закрыл металлическую дверцу.

— Мы не будем обсуждать это сейчас, — твёрдо сказал он, подходя к столу. Он положил папку перед свободным креслом и жестом предложил мне сесть. — Есть порядок, в котором следует сообщать подобные вещи.

— Порядок? — повторила я. Внутри наконец что-то сломалось, но наружу вырвался не крик, а тихий смех. — Ты назначил дату, когда расскажешь жене о любовнице и ребёнке? В корпоративном календаре или в личном?

Алиса закрыла глаза. Денис же остался внешне спокойным, хотя мышцы возле его рта напряглись.

— Сядь, Наташа, — попросил он, опираясь ладонями на стол. — Пожалуйста. Нам необходимо использовать оставшееся время разумно.

Я села не потому, что он приказал, а потому что ноги внезапно перестали быть надёжной опорой. Кресло стояло напротив стола, и мы оказались в знакомой расстановке: Денис на месте человека, принимающего решения, я напротив, готовая выслушать условия. Только вместо финансового отчёта передо мной лежала папка, которую муж приготовил для конца нашего брака.

Алиса осталась у двери спальни. Она уже застегнула платье и собрала волосы в низкий хвост, однако отсутствие туфель и побледневшее лицо разрушали профессиональный образ. Денис указал ей на диван, и она послушно села, держа клатч обеими руками.

— Я понимаю, что форма, в которой ты узнала, недопустима, — начал Денис. Он выбрал слова осторожно, как на переговорах с человеком, чьё согласие ещё можно получить. — Я не собираюсь оправдывать обстоятельства. Но сама ситуация возникла не сегодня и не вчера. Наш брак давно изменился, Наташа. Мы оба это знаем.

— Я не знала, — ответила я, глядя на него. Теперь мне было важно не пропустить ни одного слова. — Возможно, ты проводил какие-то отдельные совещания, на которых наш брак признали исчерпанным, но меня туда не пригласили.

— Не нужно цепляться за формулировки, — сказал Денис, слегка нахмурившись. Он открыл папку и развернул её ко мне. — Последние годы мы существуем прежде всего как деловые партнёры. У нас разные спальни во время командировок, разные графики и почти отсутствует личная жизнь.

— Разные спальни у нас во время командировок потому, что ты храпишь после перелётов, а мне вставать раньше, — возразила я. Я слышала собственный голос и удивлялась тому, что продолжаю спорить о фактах. — Разные графики появились потому, что я заканчиваю объекты, на которые ты привлекаешь деньги. Личной жизни почти нет, потому что последние восемь месяцев я провела на этой стройке.

Денис отвёл взгляд к окну, словно мои объяснения были эмоциональными подробностями, не менявшими общей картины.

— Именно об этом я и говорю, — произнёс он, снова поворачиваясь ко мне. — Мы давно выбрали работу. Ты сделала этот выбор не меньше моего. Я не обвиняю тебя, но бессмысленно изображать, что между нами сохранился прежний брак.

— Поэтому ты решил изображать его ещё десять недель? — спросила я и коснулась пальцами края папки. Бумага под ладонью была плотной, дорогой, с аккуратным нанесённым логотипом холдинга. — Что это?

— План переходного периода, — ответил Денис. Его голос стал увереннее, потому что разговор наконец переместился в область документов и сроков, где он чувствовал себя хозяином положения. — Мы готовили его с коммуникационной командой и юристами. Не как окончательное решение без тебя, а как основу для обсуждения.

Я открыла первую страницу. В верхней части стояло название: «План обновления публичной структуры бренда “Корсаков Дом”». Ниже следовал подзаголовок о сохранении инвестиционной стабильности в период изменения семейного и управленческого позиционирования.

Слова были безупречно нейтральными. В них не существовало любовницы, измены, беременности и двадцатилетнего брака. Была только структура бренда, нуждавшаяся в обновлении.

Я перелистнула страницу. Первый раздел назывался «Поэтапное снижение зависимости внешних коммуникаций от фигуры Н. А. Корсаковой». Далее перечислялись интервью, благотворительные мероприятия, партнёрские встречи и публичные функции, которые я должна была передать другим сотрудникам.

Имя Алисы появлялось уже на второй странице. Она должна была получить кураторство над фондом поддержки региональных музеев, сопровождать Дениса на нескольких отраслевых вечерах и постепенно войти в число постоянных представителей бренда.

— Фонд создавала я, — сказала я, продолжая читать. Строки расплывались перед глазами, но я заставляла себя возвращаться к началу каждого пункта. — Алиса работает в компании три года. Она ни разу не была в архивах, которые мы финансируем.

— Этому можно научиться, — спокойно заметил Денис. Он сел напротив и сложил руки на столе. — Ветрова сильный специалист. Ей не хватает только опыта общения с определённым кругом людей.

— Поэтому учить её должна я? — спросила я, подняв глаза.

Алиса пошевелилась на диване. Казалось, ей хотелось вмешаться, но Денис остановил её коротким взглядом.

— Ты всё равно должна передать дела, — объяснил он. — Логично сделать это человеку, который возьмёт на себя публичную часть. Никто не требует, чтобы вы становились подругами.

Я перевернула ещё несколько страниц. В разделе о корпоративной структуре говорилось о выкупе моей двадцатипроцентной доли по результатам оценки, прекращении полномочий исполнительного директора после открытия «Дома Вельяминовых» и заключении двухлетнего консультационного договора. Я должна была сохранить лицо перехода, закончить начатые проекты и передать «неформальный капитал отношений» новой коммуникационной команде.

— Ты решил купить мою долю, — сказала я. Вопросы в голосе не было, потому что документ уже содержал ответ. — И оставил мне должность консультанта.

— Это справедливое предложение, — подтвердил Денис. Он говорил спокойно, будто мы обсуждали обычную реструктуризацию. — Ты получишь деньги, сохранишь доход и не будешь отвечать за ежедневное управление. Последние годы ты сама жаловалась, что устала.

— Я жаловалась, что работаю по четырнадцать часов, потому что ты открываешь новые объекты раньше, чем заканчиваются старые, — возразила я. — Я не просила вычеркнуть меня из компании.

— Тебя никто не вычёркивает, — терпеливо сказал он. — Мы меняем твою роль. Это разные вещи.

Я перевела взгляд на Алису. Она сидела очень прямо, прижимая клатч к коленям, и старалась не смотреть на раскрытую папку. Теперь я понимала, почему она отвела глаза вниз. Почему нервничала возле служебной двери. Она знала о документе. Возможно, не видела каждую страницу, но точно знала, что моё место уже распределяют.

— А ваша роль какая? — спросила я у неё. Голос прозвучал тише, чем хотелось, и Алиса не сразу решилась ответить. — Руководитель рекламного отдела, директор по коммуникациям или будущая семейная структура бренда?

— Наталья Андреевна, я не хотела, чтобы всё произошло так, — сказала Алиса, наконец встретившись со мной взглядом. Она говорила осторожно, но в её интонации уже появлялась защита. — Денис объяснил, что вы давно живёте как партнёры и собирались спокойно разделить дела после открытия.

— Я собиралась? — переспросила я. — Интересно, где именно я об этом говорила?

— Я передал Алисе общую ситуацию, — вмешался Денис, прежде чем она успела ответить. Он подался вперёд и коснулся пальцами папки, словно возвращая разговор под свой контроль. — Не нужно сейчас устраивать допрос. Она не отвечает за состояние нашего брака.

— Она отвечает за то, что спала с женатым мужчиной, — сказала я. Впервые Алиса вздрогнула не от страха, а от раздражения. — Состояние брака она могла уточнить у меня, если так сильно верила в цивилизованный переход.

— Это было бы абсурдно, — отрезал Денис. Его выдержка дала первую трещину. — Ты предлагаешь взрослой женщине прийти к жене мужчины и попросить письменное разрешение на отношения?

— Нет, — ответила я, не отрывая от него взгляда. — Я предлагаю взрослой женщине не строить будущее на словах человека, который каждую ночь возвращается к жене.

Тишина после этих слов стала плотной. Алиса отвернулась к окну. Денис медленно провёл ладонью по краю стола, явно заставляя себя не отвечать сразу.

— Мы уходим от сути, — сказал он наконец. Его голос снова стал деловым и ровным. — Суть заключается в том, что развод сейчас способен уничтожить финансирование. Банк рассматривает последний транш. Инвесторы вложились не только в объект, но и в стабильность управления. Публичный скандал за десять недель до открытия будет воспринят как признак внутреннего кризиса.

— Внутренний кризис уже существует, — напомнила я. — Ты просто предлагаешь оставить его незаметным для тех, чьи деньги тебе нужны.

— Я предлагаю не ставить под удар сотни людей, — возразил Денис, и эта фраза прозвучала так знакомо, что я почти могла предсказать следующие слова. — Здесь работают сотрудники, у них семьи, кредиты и обязательства. Подрядчики зависят от выплат. Если ты сейчас уйдёшь и расскажешь журналистам о личной жизни, последствия коснутся не только нас.

Он знал, куда бить. Всегда знал.

Двадцать лет Денис использовал мою ответственность перед другими как самый надёжный аргумент. Я оставалась на объекте с температурой, потому что гости не должны были заметить болезнь управляющей. Отменяла отпуск, потому что сорвался подрядчик. Подписывала срочные приложения к договорам, потому что иначе люди не получили бы зарплату. Каждый раз решение казалось моим, но направление задавал он.

— Что именно ты от меня хочешь? — спросила я, закрывая папку. Теперь мне было необходимо услышать требования вслух, без корпоративных формулировок. — Не в документах. Скажи нормально.

Денис на секунду задумался. Он всегда предпочитал слова, которые можно было повторить третьим лицам без риска показаться виноватым.

— До открытия ты продолжаешь исполнять обязанности исполнительного директора, — начал он, загибая пальцы. — Завершаешь текущие переговоры, участвуешь в запланированных мероприятиях и не создаёшь публичного конфликта. Мы вместе объявляем об изменении семейного статуса после открытия. Затем совет рассматривает новую структуру управления, а оценщик определяет стоимость твоей доли.

— А Алиса? — спросила я.

— Алиса постепенно принимает внешние коммуникации, — ответил Денис. Он посмотрел на неё уже не как на любовницу, а как на элемент будущей схемы. — Благотворительный фонд, отраслевые вечера, отношения с постоянными партнёрами, часть публичных мероприятий. Она хорошо понимает современную аудиторию, но ей не хватает твоего опыта в старой деловой среде.

— Старой? — Алиса впервые подала голос с явным недовольством. Она выпрямилась и посмотрела на Дениса. — Ты никогда не называл это старой средой.

— Я говорю о людях, привыкших к определённым правилам, — пояснил он, даже не заметив, что задел её. — Ты сильна в рекламе, Алиса, но не знаешь, кто обидится на неправильную рассадку, кому необходимо лично позвонить перед мероприятием и почему некоторые договорённости никогда не фиксируют в письмах.

Он говорил о моей работе так, словно она состояла из набора бытовых секретов: кого посадить, кому позвонить, где улыбнуться. Двадцать лет решений, рисков, ночных разговоров и восстановленного доверия превращались в инструкцию, которую можно было передать молодой сотруднице за несколько недель.

— И ты решил, что я должна её этому научить, — произнесла я. В груди стало так тесно, что каждый вдох требовал усилия. — Подготовить женщину, которая займёт моё место рядом с тобой.

— Не драматизируй, — попросил Денис, но взгляд его стал жёстче. — Речь идёт о профессиональной передаче функций.

— Только функции почему-то включают сопровождение основателя на мероприятиях и семейную рекламную концепцию, — заметила я, снова открывая папку на нужной странице. — Ты даже наш брак умудрился оформить как должностную инструкцию.

Денис не ответил сразу. Он посмотрел на часы, и я поняла, что до выступления осталось меньше двадцати минут.

— Ты умеешь превращать набор разрозненных вещей в работающую систему, — сказал он наконец. Теперь в его голосе не было ни просьбы, ни сомнения. Он озвучивал решение, которое считал разумным и неизбежным. — Алиса талантлива, но ей необходима подготовка. Научи её быть тобой.

Я смотрела на мужа и ждала, что он хотя бы осознает чудовищность произнесённого. Что увидит выражение моего лица, услышит собственные слова и отступит. Денис лишь стоял напротив, собранный, уверенный и раздражённый тем, что я заставляю его тратить время на очевидные вещи.

Алиса опустила глаза. Возможно, даже она поняла, что услышала не признание в любви, а назначение на должность.

— А если я откажусь? — спросила я. Голос снова стал спокойным, и это спокойствие пугало меня сильнее слёз. — Что тогда?

— Ты имеешь право отказаться от того, что не входит в твои обязанности, — ответил Денис, тщательно подбирая слова. — Но у любого решения есть последствия. Если ты сейчас покинешь проект, совет будет вынужден оценить ущерб. Банк задаст вопросы. Инвесторы пересмотрят условия. Сотрудники узнают, что исполнительный директор бросил объект за десять недель до открытия из-за личного конфликта.

— То есть ты расскажешь всем, что я разрушила компанию из ревности, — уточнила я.

— Я расскажу правду настолько нейтрально, насколько это возможно, — сказал он. — Ты всегда сама говорила, что руководитель обязан отвечать за свои решения.

Внутри что-то окончательно стало на место. Не боль исчезла и не любовь закончилась за несколько минут. Я просто увидела систему, в которой жила двадцать лет. Денис не собирался просить меня остаться. Он собирался заставить меня сделать это собственными принципами.

Телефон в его кармане завибрировал. Он посмотрел на экран и нахмурился.

— Нас ищут, — сообщил Денис, убирая телефон. — Максим пишет, что ведущий готов объявлять выступление через двенадцать минут. Нам нужно привести себя в порядок и спуститься.

— Нам? — переспросила я, посмотрев на Алису.

— Алиса останется здесь ещё несколько минут и уйдёт через служебный лифт, — распорядился он. — Ты заберёшь папку с текстом из сейфа. Мы выйдем к гостям вместе.

Он говорил так, словно разговор завершился соглашением. Словно я приняла условия только потому, что не перевернула стол и не закричала.

— Я не обещала ничего из того, что ты перечислил, — сказала я, поднимаясь. Ноги всё ещё казались чужими, но теперь удерживали меня. — Я спущусь, потому что внизу люди, которые не виноваты в твоей измене. Это не означает, что я согласилась играть по твоему плану.

— Мы обсудим детали завтра, — ответил Денис. Он уже направился к зеркалу, поправляя воротник рубашки. — Когда ты отдохнёшь и перестанешь реагировать исключительно эмоционально.

Я подошла к сейфу. Внутри действительно лежала тонкая чёрная папка с текстом выступления. Рядом стояла коробка с запонками и несколько конвертов, содержимое которых я не стала рассматривать.

Когда я закрывала дверцу, то заметила в отражении Алису. Она сидела на диване, положив ладонь на живот, и смотрела не на Дениса, а на тёмно-синюю папку на столе. На её лице не было торжества женщины, получившей чужого мужа. Там впервые появился страх человека, увидевшего условия собственной победы.

Я взяла обе папки.

— Эту оставь, — сказал Денис, заметив движение. Он протянул руку к документам о переходе. — Мы ещё не закончили обсуждение.

— Именно поэтому я заберу её, — ответила я, прижимая папки к груди. — Мне понадобится время, чтобы внимательно прочитать, каким образом ты собирался обновить мою жизнь.

Денис хотел возразить, но телефон снова завибрировал. Он посмотрел на экран, затем на часы и решил, что спор сейчас невыгоден.

— Хорошо, — произнёс он с холодной сдержанностью. — Только не передавай документы третьим лицам. Это внутренний материал компании.

— Развод со мной тоже внутренний материал компании? — спросила я.

Он не ответил. Денис открыл дверь в коридор и сначала выглянул наружу, проверяя, нет ли сотрудников. Даже теперь он контролировал маршруты, время и свидетелей.

Мы вошли в лифт вдвоём. Алиса осталась наверху, а Денис встал рядом со мной так, словно несколько минут назад мы обсуждали только изменения в программе вечера. В зеркале кабины отражалась идеальная супружеская пара: высокий мужчина в дорогом костюме и женщина в бордовом платье с папкой в руках.

— На сцене не предпринимай ничего необратимого, — негромко сказал он, не поворачивая головы. Его взгляд был направлен на меня через зеркало. — Ты сейчас не в состоянии оценить последствия.

— А ты оценил? — спросила я, рассматривая его отражение. — Когда составил план моего исчезновения, ты оценил последствия?

— Я пытаюсь минимизировать ущерб для всех, — ответил Денис. Он говорил ровно, почти устало, будто ему приходилось быть разумным за двоих. — В том числе для тебя.

— Особенно для меня, — согласилась я. — Ты оставил мне должность консультанта. Очень великодушно.

Лифт остановился. Перед тем как двери открылись, Денис повернулся ко мне и поправил выбившуюся прядь возле виска. Жест был привычным, почти нежным. Моё тело среагировало раньше сознания: я отшатнулась так резко, что ударилась плечом о стену.

На лице мужа появилось удивление.

— Не прикасайся ко мне, — сказала я, удерживая папки одной рукой. Голос прозвучал тихо, но достаточно отчётливо. — Больше никогда не делай этого без моего разрешения.

Денис медленно опустил руку. Двери раскрылись, и в холле нас уже ждал Максим.

— Через семь минут выход, — сообщил он, переводя взгляд с меня на мужа. Если он заметил моё бледное лицо или напряжение Дениса, то ничем этого не показал. — Ведущий сократил паузу. Журналисты готовы.

— Всё идёт по плану, — ответил Денис и первым шагнул в сторону зала.

Я смотрела ему вслед и думала, что эта фраза могла бы стать девизом всей его жизни. Всё всегда шло по плану, потому что последствия отклонений исправляла я.

В гримёрной возле сцены визажист попыталась поправить мне макияж. Я сидела перед зеркалом и смотрела, как женщина с кисточкой убирает следы потрясения с моего лица. Пудра скрыла бледность, помада вернула губам цвет, а несколько движений расчёски снова превратили меня в Наталью Корсакову с рекламных фотографий.

— Вы немного замёрзли? — спросила визажист, заметив, что мои руки дрожат. Она накинула мне на плечи лёгкий платок и участливо улыбнулась. — Наверху, наверное, ещё сквозняки. Здание большое, прогревается медленно.

— Да, наверху холодно, — ответила я. Объяснение оказалось настолько точным, что мне захотелось рассмеяться. — Но я уже согрелась.

Денис стоял за кулисами и просматривал текст на планшете. Он успел вернуть себе полную невозмутимость. Когда я подошла, муж протянул руку за чёрной папкой.

— Дай мне посмотреть финальную версию, — попросил он. — Я внёс несколько изменений в заключение.

— Я уже заметила, что ты любишь вносить изменения без согласования, — ответила я, открывая папку. Денис нахмурился, но промолчал, потому что рядом находились ведущий и технический директор. — Не беспокойся. Я не забуду ни одного важного слова.

Ведущий объявил нас. В зале зазвучали аплодисменты, и Денис мгновенно улыбнулся. Он подал мне руку, но я сделала вид, что не заметила жеста, и вышла на сцену самостоятельно.

Свет ударил в глаза. Первые секунды я почти не видела лиц, только тёмные ряды и блеск камер. Затем зрение привыкло, и пространство вернулось: инвестор в первом ряду, журналисты у стены, сотрудники возле колонн, представители города, постоянные гости, знавшие нас много лет.

Денис начал первым. Он говорил о восстановлении исторического здания, инвестициях в регион, новых рабочих местах и доверии партнёров. Его голос звучал уверенно и тепло. Никто в зале не мог догадаться, что двадцать минут назад он застёгивал рубашку в номере рядом с беременной любовницей.

Я слушала и думала о том, сколько раз видела его таким. Перед банками, чиновниками, сотрудниками и гостями. Денис всегда умел превращать сложную реальность в ясный рассказ, где он принимал решения, преодолевал препятствия и вёл людей за собой. Моя работа оставалась за сценой, потому что кто-то должен был обеспечивать правдоподобие его слов.

Когда очередь дошла до меня, я подошла к микрофону и положила папку на кафедру. Подготовленный текст начинался с описания реставрации. Я говорила о сохранённой лестнице,

восстановленной лепнине, найденных под слоями краски росписях и людях, которые месяцами работали в холодных помещениях. Называла имена архитекторов, мастеров и инженеров. С каждым абзацем голос становился увереннее.

В зале слушали внимательно. Эта часть речи принадлежала мне, и Денис не мог её присвоить хотя бы потому, что не знал половины деталей.

Затем начался личный блок. В тексте стояли слова о двадцати годах брака, совместном пути и будущем, которое мы продолжаем строить рядом друг с другом. Я увидела строчку, которую Денис добавил в последнюю минуту: «Дом Вельяминовых становится символом того, что настоящая семья, как и настоящее здание, выдерживает любые испытания, если фундамент создан с любовью».

Я подняла глаза.

Денис стоял в двух шагах от меня и улыбался гостям. Он был уверен, что я прочитаю. Не потому, что верил в мою любовь. Потому что знал мою ответственность. Знал, что я не поставлю сотрудников под удар, не разрушу мероприятие и не превращу открытие в скандал.

Он просчитал меня так же тщательно, как маршрут Алисы к служебному лифту.

Я не собиралась устраивать скандал. Но и лгать за него больше не могла.

— Сегодня мы много говорили о прошлом, — произнесла я, закрывая подготовленный текст. В зале стало тише, а Денис едва заметно повернул голову. — О том, как один полуразрушенный дом стал началом большой гостиничной сети. На экране вы увидели фотографии людей, которые двадцать лет назад ещё не знали, получится ли у них закончить первый ремонт и принять первых гостей.

Я сделала паузу, позволяя себе посмотреть в первые ряды. Галины Романовны на вечере не было, она осталась в «Тихом берегу», но я почти видела её среди сотрудников — в старом свитере, с ведром краски и списком закупок в руках.

— Большие проекты редко создаёт один человек, — продолжила я, чувствуя, как каждое слово возвращает мне дыхание. — У любого здания есть фасад, который видят гости, и конструкции, скрытые внутри стен. Есть имя, написанное крупными буквами над входом, и десятки имён, которых никто не замечает. Но если удалить скрытые опоры, красивый фасад не удержится.

Денис больше не улыбался. Он стоял неподвижно, сохраняя внешнее спокойствие, однако я знала выражение его лица достаточно хорошо. Он пытался понять, куда ведёт моя речь и насколько далеко я готова зайти.

— Поэтому сегодня я хочу поблагодарить всех, чья работа не попала в короткий фильм, — сказала я, переводя взгляд на сотрудников. — Тех, кто восстанавливал лестницу, искал старые чертежи, спорил со страховой компанией, встречал гостей и исправлял ошибки, которые никогда не должны были стать заметны. За каждым большим зданием стоит человек, имя которого не всегда указывают на фасаде. Иногда таких людей десятки. Иногда один из них двадцать лет стоит рядом с вывеской и только потом замечает, что его имя с неё исчезло.

В зале возникло едва заметное движение. Большинство гостей услышали красивую метафору о командной работе. Те, кто видел фильм и знал историю компании, могли понять больше.

Я закрыла папку окончательно.

— «Дом Вельяминовых» откроется через десять недель, — завершила я, глядя прямо в зал. — И к этому моменту на его фасаде будут указаны все имена, которые действительно должны там находиться.

Аплодисменты начались не сразу. Первым захлопал представитель реставрационного совета, затем сотрудники возле колонн, после них остальные гости. Денис подошёл ко мне и положил ладонь на мою спину, изображая супружескую поддержку. Я не отшатнулась перед камерами, но повернула голову и тихо сказала:

— Убери руку.

Он сделал это не сразу. На секунду пальцы сильнее прижались к ткани платья, а затем исчезли.

После выступления нас окружили журналисты. Денис отвечал на вопросы об инвестициях, я — о сроках реставрации. Никто напрямую не спросил о странной концовке речи, хотя несколько человек смотрели на меня слишком внимательно.

Я выдержала ещё сорок минут. Поговорила с банком, попрощалась с представителями города, проверила, чтобы пожилой гость получил машину без ожидания, и поблагодарила команду. Денис несколько раз пытался подойти, но каждый раз рядом находились люди.

Алиса в зал не вернулась.

Когда последние журналисты ушли, я поднялась в небольшой кабинет на втором этаже, который временно использовала во время стройки. Закрыла дверь, сняла туфли и поставила обе папки на стол.

Руки больше не дрожали. Теперь внутри не было даже холода. Только усталость и странная, почти болезненная ясность.

Я снова открыла тёмно-синюю папку и начала читать с первой страницы. На этот раз медленно, не пропуская приложений и мелкого шрифта. В документе были сроки, ответственные сотрудники, предполагаемые реакции партнёров и даже варианты ответов на возможные вопросы журналистов после объявления развода.

В одном из приложений находился календарь переходного периода. Я увидела даты интервью, благотворительных вечеров и заседаний совета. Возле нескольких пунктов стояли мои инициалы, возле следующих — инициалы Алисы.

Я перелистнула назад и только теперь заметила строку в нижней части титульного листа. Там были указаны номер версии и дата первого составления документа.

Четыре месяца назад.

Я долго смотрела на цифры, проверяя, не ошиблась ли. Четыре месяца назад мы с Денисом вместе выбирали плитку для парадного холла. Он привёз мне ужин на стройку, потому что я не успевала уехать домой. Мы сидели на ящиках в недостроенном ресторане, ели остывшую пасту из картонных коробок и обсуждали, куда поедет после открытия.

В тот момент план моего исчезновения из компании уже существовал.

Я нашла историю изменений. Первая версия была создана по поручению генерального директора. Через неделю добавили раздел о выкупе доли. Позднее — двухлетний консультационный договор. Ещё через месяц появилась передача Алисе благотворительных программ и участие в мероприятиях рядом с основателем.

Каждое изменение имело дату. Каждая дата совпадала с днём, который я помнила совсем иначе.

В день, когда Денис добавил пункт о снижении моей публичной роли, он подарил мне серьги на годовщину знакомства. В день, когда утвердили передачу Алисе фонда, мы ужинали с его матерью, и он держал меня за руку под столом. В день, когда юристы рассчитали выкуп моей доли, Денис просил не волноваться из-за будущего и говорил, что после открытия мы наконец начнём жить для себя.

Я закрыла папку и положила ладони на обложку.

Измена началась не в президентском номере. Не в командировке полтора года назад и даже не в тот момент, когда Денис впервые поцеловал Алису.

Она началась тогда, когда он решил, что может заранее распределить мою жизнь, работу, имя и будущее, не задав мне ни одного вопроса.

За дверью слышались шаги. Кто-то остановился возле кабинета, но не постучал. Возможно, Денис собирался войти и продолжить разговор. Возможно, передумал, услышав тишину.

Я не стала проверять.

Передо мной лежал составленный четыре месяца назад план, в котором муж подробно описал, как я исчезну из собственной компании.

До открытия «Дома Вельяминовых» оставалось десять недель.

И впервые за двадцать лет я начала составлять план без Дениса.

Глава 2. Ребёнок, ради которого меня отменили

Из «Дома Вельяминовых» я уехала после двух часов ночи, когда последние машины исчезли с подъездной аллеи, а сотрудники начали разбирать временные стойки регистрации. Денис несколько раз пытался перехватить меня в коридорах, но я каждый раз находила рядом человека, которому требовалось задать вопрос, передать распоряжение или объяснить завтрашний график. Возможно, он понимал, что я делаю это намеренно. Возможно, до самого конца вечера продолжал считать, что мне нужно лишь немного времени, чтобы успокоиться и вернуться в ту точку, которую он заранее отметил для меня в своём плане.

На улице шёл мелкий дождь, и свет фонарей расплывался по мокрой дороге длинными золотистыми полосами. Водителю я сказала, что поеду в загородный дом, хотя всю дорогу думала о городской квартире при офисе, гостиничном номере или любом другом месте, где не было вещей, выбранных нами вместе. Но документы оставались у меня, компьютер с архивной перепиской находился в домашнем кабинете, а главным желанием было понять не только то, что произошло, но и то, как долго я жила внутри чужого решения, не замечая его границ.

Денис не позвонил. Он отправил одно сообщение, когда машина выехала на шоссе: «Не делай ничего до утра. Нам обоим необходимо отдохнуть». Я прочитала его несколько раз и не ответила, потому что каждое слово выглядело продолжением той же системы. Даже мой гнев он воспринимал как временное состояние, для которого можно назначить срок окончания.

Загородный дом встретил меня тишиной. В будние дни здесь ночевала только домработница Марина, но накануне она попросила выходной, чтобы уехать к дочери, и я разрешила, не предполагая, что буду благодарна за отсутствие свидетелей. Охранник у ворот коротко кивнул, не задавая вопросов, а в прихожей автоматически включился мягкий свет, выхватив из темноты консоль, зеркало и нашу общую фотографию в серебряной раме.

Снимок сделали пять лет назад на открытии отеля в Плёсе. Денис стоял позади, положив руки мне на плечи, а я смотрела в камеру с выражением женщины, которая ещё верила, что усталость является приемлемой платой за совместный успех. Теперь его пальцы на моих плечах казались не жестом близости, а способом удерживать меня на нужном месте в кадре.

Я перевернула фотографию изображением к стене и прошла в кабинет. Снимать платье не стала, только сбросила туфли возле дивана, расстегнула верхнюю застёжку на воротах и включила все лампы. После полумрака дома яркий свет резал глаза, но мне было необходимо видеть каждую строчку предельно ясно.

Синюю папку я положила на середину стола, рядом открыла ноутбук и достала телефон. Сначала фотографировала страницы одну за другой, стараясь, чтобы в кадр попадали номера версий, даты, инициалы согласовавших сотрудников и мелкие примечания внизу. Потом перенесла снимки в отдельное облачное хранилище, создала резервную копию и отправила архив на новый почтовый адрес, пароль от которого Денис не мог знать.

В обычный вечер такие меры показались бы мне чрезмерными. Я никогда не прятала от мужа документы и не защищала от него личную переписку, потому что не видела смысла делить информацию на мою и его. Даже доступ к семейным счетам, объектам и большей части рабочих систем у нас был общим, хотя финансовые операции в последние годы контролировал главным образом Денис.

Теперь привычная открытость выглядела не доказательством доверия, а оставленной настежь дверью.

Я начала составлять хронологию. В левую колонку электронной таблицы заносила даты изменений в плане, в правую — события, которые происходили в те дни. Работа была механической, почти успокаивающей. Цифры, названия файлов и отметки согласований подчинялись логике, в отличие от голосов в моей голове.

Первая версия документа появилась шестнадцатого марта. В тот день я находилась на объекте с семи утра до полуночи, потому что комиссия по охране наследия отказалась принимать восстановленную лепнину в большом зале. Денис вечером привёз мне кофе и сэндвич, сидел рядом пятнадцать минут и сказал, что восхищается моей способностью не отступать.

Через два дня он поручил юристам предварительно оценить варианты выкупа моей доли. В семейном календаре на эту дату стоял ужин с его матерью. Денис приехал за мной в офис, подарил цветы без повода и всю дорогу рассказывал, что после открытия мы обязательно улетим к морю, потому что я заслужила настоящий отдых.

В апреле в план добавили передачу благотворительного фонда Алисе. Тогда я сама отправила её вместо себя на первое небольшое мероприятие, поскольку застряла на переговорах с подрядчиками. Алиса вернулась воодушевлённой, рассказывала, как легко нашла общий язык с директором музея, и благодарила меня за доверие. Я ответила, что талантливым сотрудникам необходимо давать возможность расти.

В мае появилась схема «обновления семейной рекламной концепции». На той неделе Денис настоял, чтобы мы вместе снялись для журнала. Фотограф просил смотреть друг на друга с теплом, и муж несколько раз смешил меня шёпотом, пока не получил нужное выражение лица. На опубликованном снимке мы выглядели людьми, которые спустя двадцать лет всё ещё понимают друг друга без слов.

Я дошла до страницы, где впервые рядом с именем Алисы появилась пометка о сопровождении основателя на публичных мероприятиях. Дата совпадала с вечером, когда Денис вернулся из командировки позже обещанного. Я ждала его дома с ужином, но он написал, что самолёт задержали, а после полуночи вошёл в спальню, осторожно разделся и лёг рядом. Утром я нашла на его рубашке незнакомый сладковатый запах, но решила, что в тесном салоне самолёта можно пропахнуть чужими духами.

В три часа ночи я открыла рабочий календарь Дениса и сопоставила поездки с командировками Алисы. Совпадения находились одно за другим. Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород, закрытая встреча в Подмоскowie, отраслевая конференция в Калининграде. Иногда Алиса значилась в официальном составе делегации. Иногда её поездка оформлялась отдельно через рекламный отдел, и только время вылета показывало, что они путешествовали вместе.

Я вспомнила фотографии, которые она присылала в общий чат: оформление стенда, ужин партнёров, вид из окна гостиницы. На нескольких снимках попадала рука Дениса, край его пиджака или знакомые часы, но я никогда не рассматривала их как доказательства. Муж и сотрудница находились в одной командировке, поэтому его присутствие в кадре не казалось подозрительным.

Полтора года, сказала я себе. Именно такой срок Денис упомянул в президентском номере, хотя тогда отказался обсуждать подробности. Полтора года он возвращался домой, просил меня срочно проверить договоры, жаловался на усталость, говорил, что нам обоим не хватает времени на брак, и параллельно строил другую жизнь.

В половине четвёртого я нашла командировку, с которой всё могло начаться. В октябре прошлого года Денис поехал в Казань на форум гостиничных инвесторов. Я должна была лететь вместе с ним и даже выбрала платье для вечернего приёма, но за два дня до вылета в «Старом саду», одном из наших загородных отелей, прорвало трубу отопления. Вода затопила часть второго этажа, впереди были две свадьбы и крупная конференция, а управляющий оказался в больнице с аппендицитом.

Денис тогда убеждал меня остаться.

— Там без тебя всё развалится, — говорил он, складывая рубашки в чемодан. Он выглядел расстроенным, даже предложил отменить собственную поездку, но быстро согласился, когда я сказала, что форум слишком важен для переговоров с банком. — Я ненавижу, что

мы опять едем в разные стороны, Наташа. После этого проекта обязательно возьмём неделю только для себя.

Алиса полетела в Казань вместо меня, потому что рекламный стенд уже был оплачен, а кто-то должен был сопровождать Дениса на публичной части форума. Я сама одобрила её поездку, сама подписала распоряжение и попросила подготовить мужу краткие сведения о журналистах, с которыми планировались интервью.

В «Старом саду» я провела пять суток. Спала по три часа в незатопленном номере, спорила со страховой компанией, искала бригаду для срочной просушки стен и лично обзванивала гостей, которых пришлось переселить. Денис звонил каждый вечер, спрашивал о ремонте и рассказывал, как прошли переговоры.

На третий день он был особенно весёлым. Сказал, что ужин с инвесторами затянулся, Алиса сумела договориться о публикации в крупном журнале, а сама поездка оказалась продуктивнее, чем он ожидал. В конце разговора он добавил, что скучает, но не стал включать видеосвязь, потому что якобы сидел в баре с партнёрами.

Я закрыла календарь и откинулась на спинку кресла. Из окна уже исчезла ночная чернота, небо над садом стало серым, а мокрые ветви берёз медленно проявлялись из тумана. Дом просыпался без людей: загудела система отопления, на кухне щёлкнул таймер кофемашины, где-то в глубине коридора включилась подсветка.

Я не чувствовала сонливости. Тело устало настолько, что перестало подавать обычные сигналы, а сознание продолжало цепляться за детали. Если связь началась в Казани, то их первый вечер произошёл в то время, когда я спасала отель по просьбе Дениса. Он не просто воспользовался моим отсутствием. Он сам направил меня туда, где моя ответственность гарантировала ему свободу.

На краю стола лежала фотография документа с графиком будущих публичных мероприятий. Я увеличила изображение и снова увидела формулировки о переходе, стабильности, сохранении стоимости бренда. В этих словах не было ни одного случайного решения. Денис не метался между двумя женщинами, не пытался понять собственные чувства и не совершил ошибку в слабый момент. Он проводил реструктуризацию.

В шесть утра я поднялась, чтобы сварить кофе, и только тогда заметила обручальное кольцо. Оно привычно сидело на безымянном пальце, тёплое от кожи, с мелкими царапинами, которые появились за двадцать лет. Я провела по нему большим пальцем, но снимать не стала. Не потому, что хотела сохранить брак, а потому, что любое движение сейчас казалось слишком окончательным для пустой кухни и серого рассвета.

Кофе оказался горьким. Я выпила половину чашки, вернулась в кабинет и продолжила просматривать документы. В одном из приложений обнаружился предварительный сценарий объявления о разводе. Предполагалось, что мы сообщим о решении через две недели после открытия, подчеркнём взаимное уважение, отсутствие претензий и сохранение делового партнёрства.

Ниже находились заготовки ответов на возможные вопросы журналистов. «Супруги давно приняли решение и тщательно подготовили изменения». «Личная жизнь не влияет на деятельность холдинга». «Наталья Андреевна сохранит важную роль в развитии бренда». Варианта вопроса о беременной любовнице в документе не было, но отдельный пункт предусматривал постепенное появление Алисы рядом с Денисом не ранее чем через три месяца после публичного заявления.

Он собирался представить всё так, словно между разводом и новой женщиной не существовало связи. Наталья сама решила уйти, Алиса естественным образом заняла часть свободного пространства, а ребёнок, вероятно, появился бы в официальной истории ещё позже — как счастье, пришедшее к Денису после достойного завершения прежнего брака.

Я услышала автомобиль раньше, чем увидела его. Шины прошуршали по мокрому гравию, затем у главного входа хлопнула дверь. На секунду я решила, что Денис приехал один и раньше, чем ожидала. Потом раздался второй хлопок.

Я подошла к окну. Возле крыльца стояла его машина, а рядом с Денисом — Алиса. Она была в длинном светлом пальто, волосы собраны, лицо почти без макияжа. Даже с расстояния я заметила осторожность её движений и то, как Денис придерживал её под локоть на ступенях.

Он привёз любовницу в наш дом следующим утром после того, как я застала их вместе.

В этом поступке была такая завершённая наглость, что первое мгновение я не почувствовала ничего. Просто смотрела, как Денис открывает дверь собственным ключом и пропускает Алису вперёд, словно она уже имела право входить сюда без приглашения.

Шаги приблизились к кабинету. Денис постучал один раз и открыл дверь, не дожидаясь ответа. На нём был другой костюм, волосы выглядели свежими после душа, а лицо сохраняло собранное выражение человека, пришедшего на заранее назначенную встречу.

Алиса остановилась позади него. Она переоделась после вечера, но клатч держала тот же, что лежал в президентском номере. Под глазами темнели тени, губы были бледными, а пальцы так сильно сжимали ремешок сумки, что побелели костяшки.

— Ты не спала, — сказал Денис, осмотрев стол с документами и пустыми чашками. Он произнёс это не как вопрос, а как неодобрительное наблюдение. — Я просил ничего не предпринимать до утра.

— Утро наступило, — ответила я, закрывая ноутбук. Файлы уже были сохранены в нескольких местах, поэтому движение не имело практического смысла, но мне не хотелось оставлять экран открытым перед ним. — Ты привёз Алису для окончательной презентации плана?

Денис прикрыл дверь и указал ей на кресло возле окна. Алиса не села, пока он не занял место напротив моего стола, будто ожидала распределения ролей.

— Я привёз её, потому что разговор касается всех троих, — объяснил муж. Он положил телефон рядом с собой и посмотрел на часы. — Лучше один раз спокойно обсудить факты, чем продолжать задавать вопросы по отдельности. В одиннадцать у меня встреча с банком, у Алисы — совещание по кампании, а тебе необходимо подготовить отчёт для совета. После разговора мы вернёмся к работе.

Он действительно произнёс это так, словно измена являлась неприятным пунктом утренней повестки. Полчаса на обсуждение, затем банк, рекламная кампания, отчёт и обычная жизнь.

— Какая удивительная эффективность, — сказала я, переводя взгляд на Алису. — Вчера я узнала, что мой муж спит с сотрудницей, сегодня мы распределим последствия, а к одиннадцати все снова станут полезными компании.

Алиса вздрогнула, но не отвела глаз. В её выражении смешивались страх, усталость и попытка сохранить достоинство. Теперь она не выглядела победительницей, однако и раскаяния я не увидела. Скорее раздражение человека, вынужденного участвовать в неприятном разговоре, который, по его мнению, следовало провести иначе.

— Я понимаю, что вам больно, — начала она, медленно садясь в кресло. В голосе звучала осторожность, но обращение на «вы» внезапно показалось мне особенно оскорбительным. — Я не хотела, чтобы вы узнали таким способом.

— Каким способом вы хотели, чтобы я узнала? — спросила я. — Из подготовленного пресс-релиза после открытия?

— Наталья, — вмешался Денис, слегка повысив голос. Он подался вперёд и положил ладони на колени, принимая позу терпеливого посредника. — Если ты будешь превращать каждую фразу в обвинение, разговор ничего не даст.

— Он уже многое дал, — ответила я, не глядя на него. — Например, я узнала, что Алиса считает возможным обсуждать со мной способ сообщения о своей связи с моим мужем.

Алиса провела языком по сухим губам. Несколько секунд она молчала, затем положила ладонь на живот тем же движением, которое я заметила в номере.

— Я беременна, — сказала она. Голос прозвучал тише, чем вчера, но на этот раз она не попыталась смягчить смысл. — Срок двенадцать недель.

Двенадцать недель.

Я уже знала, что услышу нечто подобное. Её тошнота, нетронутый бокал, ладонь на животе и слова о запахе алкоголя не оставляли пространства для другой версии. И всё же прямое признание ударило сильнее, потому что превратило подозрение в срок, медицинские обследования, первые снимки, разговоры и планы, существовавшие без меня.

— Двенадцать недель, — повторила я, глядя на Дениса. — Ты знал вчера утром?

— Я знаю почти с самого начала, — ответил он, сохраняя спокойствие. Его пальцы чуть сдвинули телефон по столу, выравнивая его относительно края. — Мы не собирались скрывать ребёнка. Просто необходимо было выбрать правильный момент.

— Правильный момент для кого? — спросила я. — Для меня, Алисы, банка или рекламной кампании?

— Для всех, — сказал Денис и нахмурился, будто мой вопрос был намеренно примитивным. — Беременность находится на раннем сроке. До окончания первого триместра многие вообще не сообщают даже родственникам. Одновременно у нас завершается самый крупный проект за последние годы. Публичное объявление о разводе и ребёнке могло вызвать ненужные спекуляции.

— То есть ты ждал не медицинской безопасности, а открытия отеля, — произнесла я. — Ребёнок был частью того же календаря.

— Не говори так, — резко отозвался Денис. Впервые за утро в голосе появилась настоящая эмоция. — Ребёнок не имеет отношения к корпоративному плану.

— Вчера в папке я видела обновление семейной концепции бренда, — напомнила я. — Мне трудно поверить, что ты не рассматривал будущего наследника как особенно удачное обновление.

Алиса побледнела ещё сильнее. Она опустила взгляд на свои руки и на секунду прижала ладонь к животу, словно пыталась защитить ребёнка не только от меня, но и от смысла слов Дениса.

— Не надо говорить о нём как об инструменте, — попросила она. Теперь в её голосе впервые прозвучала твёрдость. — Что бы вы ни думали обо мне и Денисе, ребёнок ни в чём не виноват.

— Я не обвиняю ребёнка, — ответила я, стараясь говорить медленно. — Я пытаюсь понять, как двое взрослых людей двенадцать недель строили планы вокруг его рождения и одновременно решили, что жена одного из них должна узнать последней.

— Ты должна была узнать после открытия, — сказал Денис. Он не выглядел смущённым этим признанием. — Я собирался поговорить с тобой лично, до любых публичных заявлений. Мы подготовили план именно для того, чтобы не ставить тебя перед хаосом.

— Ты подготовил решение, раздел имущества, выкуп доли, новую должность и женщину, которой я должна передать свою жизнь, — перечислила я. — Какую часть ты оставил для моего участия?

Денис вздохнул и посмотрел в окно. За стеклом серое утро медленно светлело, дождь уже прекратился, а по дорожке к дому текли тонкие ручейки.

— Мы не можем изменить факт беременности, — произнёс он, снова поворачиваясь ко мне. — Не можем отменить то, что наши отношения с тобой давно стали формальными. Зна-

чит, нужно обсуждать практические решения, а не бесконечно выяснять, кто в какой момент должен был произнести правильные слова.

— Наши отношения стали формальными в тот день, когда ты начал спать с Алисой, или раньше? — спросила я. — Мне хотелось бы понимать точную дату собственного исчезновения.

Денис сжал губы. Я видела, что ему неприятен вопрос не из-за вины, а потому что он не хотел отдавать мне право определять хронологию.

— Мы сблизились полтора года назад, — ответил он после короткой паузы. — Во время форума в Казани.

Я ожидала этого. Всё равно внутри словно оборвалась натянутая нить.

— Когда я осталась в «Старом саду», — сказала я. — Потому что ты убедил меня, что без меня там всё развалится.

— Я тебя не убеждал, — возразил Денис почти сразу. Он выпрямился, и голос приобрёл знакомую точность, с которой он исправлял невыгодные формулировки в протоколах. — Мы вместе решили, что твой опыт нужен на объекте. Ситуация была критической.

— Ты трижды сказал, что я единственный человек, способный спасти свадьбу и конференцию, — напомнила я. Перед глазами возник номер с сорванными плитками, мокрые стены и мой телефон, который не замолкал пять суток. — Ты попросил меня отменить поездку, а сам полетел с Алисой.

— Алиса летела как руководитель рекламного направления, — сказал Денис. — На тот момент между нами ничего не было.

— На тот момент, — повторила я. — Значит, всё началось уже там.

Алиса подняла голову. Её лицо изменилось: в нём появилось сопротивление, словно она поняла, что Денис собирается представить начало связи удобнее, чем помнила она.

— После приёма, — произнесла она, прежде чем он успел остановить её. — В последний вечер форума. Мы долго разговаривали в баре, потом поднялись в его номер. Я не буду делать вид, что это произошло случайно или потому, что мы выпили. Мы оба понимали, что делаем.

Денис медленно повернулся к ней.

— Нет необходимости обсуждать интимные детали, — сказал он холодно. Пальцы на его правой руке сжались, хотя лицо осталось спокойным. — Наталья спрашивала о сроках, ты ответила.

— Она имеет право знать, — возразила Алиса, и я впервые увидела между ними не единство, а небольшую трещину. — Ты сам сказал, что сегодня мы обсудим всё один раз и больше к этому не вернёмся.

— Обсудить всё не означает давать материал для взаимного унижения, — отрезал Денис. Он снова посмотрел на меня и смягчил голос. — В Казани мы действительно перешли границу. Я не собираюсь утверждать, что это была случайность. Но к тому моменту наши отношения уже давно не были полноценным браком.

— Для тебя, — уточнила я. — Для меня мы были супругами, которые слишком много работают и собираются после открытия поехать в отпуск.

— Ты каждый год говорила «после открытия», — ответил он. — После одного объекта появлялся следующий. После одного кризиса ты находила другой. Я перестал верить, что в твоём графике когда-нибудь появится место для нормальной жизни.

Смысл слов был настолько тщательно перевёрнут, что сначала мне захотелось спорить с каждым предложением отдельно. Напомнить, кто подписывал договоры на новые объекты, кто обещал инвесторам невозможные сроки, кто звонил мне в отпуск и говорил, что без моего вмешательства компания потеряет миллионы. Но Денис не ошибался в фактах случайно. Он собирал их так, чтобы вывод всегда оправдывал его.

— Нормальная жизнь появилась у тебя с сотрудницей, которую я отправила вместо себя, — сказала я. — Очень удобное решение.

— Алиса не воспринимает каждую личную потребность как помеху работе, — ответил он. — С ней можно было говорить не только о графиках, сметах и проверках.

Я посмотрела на него и вспомнила вечера, когда пыталась поговорить о чём-то другом. Предлагала пойти в театр, уехать хотя бы на выходные, пригласить друзей или просто поужинать без телефонов. Денис соглашался, но почти всегда находил срочный звонок, переносил встречу или начинал обсуждать работу сам. Иногда я раздражалась, иногда смеялась, а потом перестала предлагать, потому что считала это общей усталостью.

— Я пыталась говорить с тобой о ребёнке, — произнесла я. После этих слов кабинет словно стал меньше. Алиса замерла, а Денис отвёл взгляд. — Это тоже было слишком похоже на обсуждение графиков?

Он не ответил сразу. Я видела, как в его лице появляется осторожность. Разговор подходил к теме, которую невозможно было полностью спрятать за словами о формальном браке.

В первые годы мы действительно откладывали ребёнка вместе. «Тихий берег» едва держался на плаву, потом появился второй объект, кредит, ремонт, первые серьёзные долги. Мне было двадцать пять, двадцать семь, тридцать. Я верила, что времени много, а бизнесу мы необходимы сейчас.

Когда мне исполнилось тридцать четыре, я впервые сказала, что больше не хочу ждать. Денис согласился, мы прошли обследования и даже начали строить график так, чтобы оставлять свободные недели. Потом банк неожиданно потребовал дополнительное обеспечение по третьему отелю, и Денис попросил отложить попытки на полгода.

Через полгода началось строительство нового корпуса. Потом переговоры с инвестором. Потом кризис в одном из регионов. Каждый раз отсрочка казалась небольшой и разумной, потому что он не говорил «нет». Он говорил «не сейчас».

— Я записалась к репродуктологу в тридцать восемь, — напредила я. Голос звучал ровно, хотя ладони стали холодными. — Ты просил перенести консультацию, потому что в тот день проходило заседание кредитного комитета.

— Я не просил отменять её совсем, — возразил Денис. Он посмотрел на меня с выражением человека, вынужденного защищаться от несправедливости. — Речь шла об одной дате.

— После переноса врач смог принять меня только через два месяца, — продолжила я. — Через два месяца мы открывали отель в Ярославле, и ты сказал, что будет странно, если жена основателя исчезнет на неделю лечения прямо перед церемонией.

— Ты сама согласилась, — сказал он.

— Потому что ты говорил, что иначе всё рухнет, — ответила я. — Как всегда.

— Я объяснял обстоятельства, — произнёс Денис, подчёркивая каждое слово. — Я никогда не запрещал тебе лечиться, беременеть или отказываться от поездок. Решения принимала ты, Наташа. Ты взрослый человек и не можешь теперь делать вид, что все твои выборы совершал за тебя муж.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается не истерика, а тяжёлая, ясная ненависть. Денис действительно никогда не запрещал. Он создавал ситуацию, в которой любой другой выбор выглядел эгоизмом, предательством сотрудников или угрозой общему делу, а затем оставлял мне право самой отказаться от желаемого.

— Ты прав, — сказала я. — Я принимала решения. Только каждый раз ты заранее объяснял, сколько людей пострадает, если я выберу себя.

— Это называется ответственностью, — ответил он. В его голосе прозвучало облегчение, словно признание моей роли подтверждало его версию. — Мы оба выбрали компанию. Нельзя через годы обвинять меня в том, что ты сделала тот же выбор.

— Я выбрала нашу компанию и наш брак, — возразила я. — Ты выбрал компанию, любовницу и ребёнка, а теперь объясняешь, что виновата я, потому что не догадалась отказаться от обязанностей, которые ты сам на меня возложил.

Алиса сидела неподвижно. Она больше не смотрела на Дениса с прежней уверенностью. Возможно, впервые слышала не его краткое объяснение о жене, предпочитавшей карьеру, а последовательность конкретных отказов и переносов.

Денис заметил её выражение и повернулся к ней.

— Не нужно воспринимать всё односторонне, — сказал он. Он говорил Алисе, но взгляд продолжал возвращаться ко мне. — В любом браке решения принимают двое. Наталья всегда ставила работу на первое место. Я уважал её выбор, но имею право хотеть другой жизни.

— Ты имел право развестись, — ответила я. — До Казани. До Алисы. До беременности. До папки, где четыре месяца расписывал моё исчезновение.

— Развод тогда уничтожил бы проект, — сказал Денис, и этим ответом подтвердил всё лучше любого признания. — Мы уже вошли в финансирование «Дома Вельяминовых». Я не мог позволить себе эмоциональный жест, который поставил бы под угрозу обязательства.

— Поэтому позволил себе полугодовую связь, — заметила я. — Очень рациональная замена эмоциональному жесту.

Он резко поднялся и прошёл к окну. Несколько секунд стоял спиной к нам, глядя на сад. Я знала эту позу: Денис принимал её на переговорах, когда хотел показать, что собеседник вынуждает его говорить неприятную правду.

— Алиса не стала доказывать мне, почему для ребёнка опять неподходящий год, — произнёс он, не оборачиваясь. Голос звучал тихо, почти устало, но каждое слово было направлено точно в цель. — Она захотела семью.

В кабинете стало так тихо, что я услышала слабое тиканье часов на книжной полке.

Мне не сразу удалось вдохнуть. Денис мог обвинить меня в чрезмерной занятости, холодности, контроле или отсутствии внимания. Но теперь он забрал у меня даже историю ребёнка, которого мы не родили, и превратил собственные просьбы подождать в доказательство моей неспособности хотеть семью.

— Ты прекрасно знал, что я хотела ребёнка, — сказала я. Голос сорвался, однако я не отвела взгляда, когда он повернулся. — Ты сидел рядом на первой консультации. Ты держал меня за руку, когда врач говорил, что откладывать больше нельзя.

— И после этого ты согласилась перенести лечение, — ответил Денис. Он говорил уже жёстче, потому что отступать означало признать вину. — Не я подписал заявление об отмене программы. Не я уехал на открытие вместо клиники.

— Ты сказал, что банк откажется от транша, если меня не будет на презентации, — напомнила я. — Ты сказал, что триста человек могут остаться без зарплаты.

— Это была правда, — возразил он.

— Возможно, — согласилась я. — Но ты ни разу не предложил остаться вместо меня.

Денис замолчал. Алиса медленно опустила голову, а её ладонь снова легла на живот.

— Я не хочу участвовать в этом разговоре в таком виде, — сказала она. Голос дрожал, но в нём звучало не только смущение. — Мне плохо, и врач просил избегать сильного стресса.

Я повернулась к ней. Вчера в президентском номере я по привычке спросила, не нужна ли ей помощь, а теперь услышала, что моя реакция на предательство рассматривается как опасность для её беременности.

— Тогда вам не следовало приезжать в дом женщины, чей муж сделал вас беременной, — ответила я. Я говорила спокойно, хотя слова обжигали рот. — Разговор о последствиях измены редко помогает избегать стресса.

— Я приехала, потому что Денис сказал, что необходимо всё объяснить, — произнесла Алиса, сжав ремешок сумки. — Я не собираюсь отнимать у вас деньги, работу или компанию. Мне не нужно то, что принадлежит вам.

Я посмотрела на синюю папку, лежавшую на краю стола.

— Вы собираетесь принять мой фонд, мои контакты, моё место на мероприятиях и роль женщины рядом с основателем, — сказала я. — Вчера вы сидели в номере, пока Денис объяснял, как я должна подготовить вас к этой жизни. Что именно из этого, по-вашему, мне не принадлежит?

— Я не видела весь документ, — быстро ответила Алиса. Она взглянула на Дениса, словно ожидала подтверждения. — Мне говорили, что вы сами хотите отойти от публичной части и меньше заниматься ежедневной работой.

— Я говорил, что Наталья устала, — поправил её Денис. Он произнёс это так, будто различие имело принципиальное значение. — И что после открытия мы будем обсуждать изменение ролей.

— Ты говорил, что решение практически принято, — возразила Алиса. Теперь она смотрела прямо на него. — Что вы давно договорились разойтись после завершения проекта, потому что ваш брак существует только на бумаге.

Денис едва заметно напрягся.

— Я не утверждал, что подписаны документы, — сказал он. — Я объяснял общее положение вещей.

— Ты сказал, что Наталья понимает неизбежность развода, — продолжила Алиса. — И что её больше волнует стоимость доли, чем личные отношения.

Я почувствовала, как губы сами растягиваются в короткой, неверящей улыбке.

— Стоимость доли я впервые увидела вчера, — сказала я. — А неизбежность развода поняла, когда открыла дверь спальни.

Алиса побледнела. Она отвернулась, но не от стыда, а словно пыталась удержать в голове сразу две версии Дениса. В одной существовала холодная жена, давно согласившаяся на деловое расставание. В другой — женщина, которая всю ночь впервые читала подготовленные без неё документы.

— Я не знала, что вы ничего не обсуждали, — произнесла она после паузы. Голос стал тише. — Я понимала, что официально вы ещё женаты. Но думала, что между вами всё закончено и вопрос только во времени.

— Это должно облегчить мне положение? — спросила я. — Вы спали с женатым мужчиной полтора года, потому что он сказал, что жена уже почти не считается.

— Я не прошу вас меня прощать, — ответила Алиса, и в её взгляде впервые мелькнуло раздражение. — Но я не хочу, чтобы вы представляли меня охотницей за вашей жизнью. У меня есть профессия, собственный доход и планы. Я не собираюсь жить за ваш счёт.

— Вы беременны от владельца компании, который планирует поставить вас рядом с собой на всех публичных мероприятиях, — сказала я. — Возможно, вы действительно считаете это исключительно результатом профессиональных достижений.

— Хватит, — резко произнёс Денис. Он встал между нами не физически, а интонацией, возвращая себе управление разговором. — Алиса не обязана принимать оскорбления только потому, что ты злишься на меня.

— Она пришла в мой дом обсуждать, как цивилизованно занять моё место, — ответила я. — Какая именно часть должна быть для неё комфортной?

— Никто не занимает твоё место, — повторил Денис. — Ты сохраняешь долю до выкупа, получаешь компенсацию и консультационный договор. Алиса берёт на себя часть публичных функций. Это не одно и то же.

— А ребёнок? — спросила я. — Он тоже относится к публичным функциям или существует отдельно от структуры бренда?

Алиса вскочила так быстро, что кресло качнулось.

— Не смейте говорить о моём ребёнке таким тоном, — сказала она, прижимая ладонь к животу. В её голосе появилась злость, и это была первая эмоция, в которой она перестала

выглядеть растерянной. — Я понимаю, что вы ненавидите меня. Но он не виноват в том, что ваш брак закончился.

Я медленно поднялась из-за стола.

— Мой брак закончился не из-за ребёнка, — ответила я. — Он закончился потому, что его отец полтора года лгал мне, а его мать решила поверить, что жена уже достаточно отменена, чтобы не считаться человеком. Ребёнок действительно не виноват. Но вы не сможете использовать его как защиту от вопросов, которые относятся к вам.

Алиса открыла рот, но ничего не сказала. Денис подошёл к ней и положил ладонь на плечо. Жест был спокойным и привычным, и мне вдруг стало ясно, что он уже много раз утешал её после разговоров обо мне.

— Сядь, пожалуйста, — попросил он, обращаясь к Алисе мягче, чем за всё утро обращался ко мне. — Тебе действительно нельзя волноваться.

Она послушалась. Денис налил воды из графина и подал ей стакан, после чего повернулся ко мне.

— Ты переходишь границу, — сказал он тихо. В его глазах появилась холодная угроза. — Я понимаю твоё состояние, но беременная женщина не обязана терпеть агрессию.

— Тогда увези её, — ответила я. — Ты сам привёз Алису сюда. Не я назначила эту встречу и не я решила, что утро после измены подходит для обсуждения будущего ребёнка в нашем доме.

— Это и мой дом, — напомнил Денис. — Я имею право находиться здесь и приглашать людей, которых считаю необходимыми для разговора.

Я посмотрела вокруг. Кабинет мы обустроивали вместе: выбирали древесину для стеллажей, спорили о креслах, размещали фотографии первых объектов. До этого момента мне не приходило в голову, что формальное право Дениса привести любовницу может оказаться для него важнее элементарного понимания того, что он делает.

— Да, это и твой дом, — согласилась я. — Поэтому я больше не останусь здесь.

Он нахмурился.

— Не принимай решений на эмоциях, — сказал Денис. — Ты не обязана уезжать. У нас достаточно комнат, и до оформления развода можно организовать отдельную жизнь без театральных жестов.

— Ты предлагаешь мне жить под одной крышей, пока Алиса готовится родить тебе ребёнка? — спросила я. — А по выходным проводить для неё занятия по семейному бренду?

— Я предлагаю не создавать себе лишние трудности, — ответил он. — Дом большой. У нас обоих плотный график. В ближайшие недели мы всё равно почти не будем пересекаться.

Он действительно считал это разумным. Продолжать жить в общем доме, ездить на совместные мероприятия, улыбаться перед камерами и обсуждать развод между рабочими встречами. Если бы я согласилась, Денис назвал бы это зрелостью.

На моей руке снова блеснуло кольцо. Я посмотрела на него и впервые поняла, что не снимала его ночью не из-за нерешительности. Мне было необходимо сделать это при Денисе, чтобы он увидел границу, которую не мог перенести в приложение к корпоративному плану.

Кольцо сидело плотнее, чем обычно. Я потянула его, но оно не прошло через сустав. Пришлось намочить палец водой из графина и медленно прокрутить металл. Денис следил за движением, не пытаясь остановить, а Алиса опустила глаза.

Когда кольцо наконец соскользнуло, на коже осталась светлая полоса. Двадцать лет металл защищал это место от солнца, воды и времени, а теперь палец выглядел так, словно часть меня всё ещё продолжала носить невидимое кольцо.

Я положила его на синюю папку.

— Наш брак закончен, — сказала я. Голос был спокойным, и каждое слово звучало окончательно. — Не после открытия, не после решения совета и не в день, который выберет рекламный отдел. Он закончился вчера, когда я вошла в номер.

Денис посмотрел на кольцо. На несколько секунд его лицо стало непроницаемым, затем он медленно выдохнул.

— Я не спорю с твоим правом снять его дома, — произнёс он. Даже сейчас он сформулировал ответ так, будто признавал ограниченное полномочие. — Но на согласованных публичных мероприятиях до официального заявления кольцо лучше надевать. Резкие изменения заметят журналисты и партнёры.

Я не сразу поверила, что он сказал это вслух.

— Ты просишь меня носить символ брака, который сам уничтожил, потому что пустой палец может снизить доверие банка? — спросила я.

— Я прошу не давать повода для слухов раньше времени, — поправил Денис. — Существуют договорённости, рекламные материалы и утверждённая программа открытия. Ты сама подписывала обязательства участвовать в мероприятиях как представитель семейного бренда.

— Я подписывала обязательства выступать как исполнительный директор и соавтор проекта, — ответила я. — Если где-то действительно написано, что я обязана изображать счастливую жену, покажи мне этот пункт. В противном случае кольцо останется здесь.

— Наташа, не превращай формальность в поле боя, — сказал он устало. — Никому не станет лучше от того, что ты демонстративно покажешь личную обиду перед журналистами.

— Это не личная обида, — возразила я. — Это реальность, которую ты хотел скрыть до удобной даты. Я выполню только то, что действительно обязана выполнить по договорам. Проведу согласованные переговоры, закончу передачу проектов и выступлю там, где указана как исполнительный директор. Я не буду говорить о счастливом браке, носить кольцо по графику и подтверждать подготовленную тобой ложь.

Денис посмотрел на меня долгим взглядом. Я видела, как он оценивает риски, ищет рычаги и пытается понять, насколько твёрдым является решение.

— Совет может расценить публичные заявления как действия против интересов компании, — предупредил он. — Особенно если они повлияют на финансирование.

— Тогда совет будет обсуждать конкретные заявления, — ответила я. — Но сначала я хочу увидеть конкретные договоры, которые, по твоим словам, обязывают меня оставаться твоей женой для банка.

— Ты сейчас говоришь как юрист, — заметил он с раздражением.

— Нет, — сказала я. — Я впервые говорю как человек, который больше не принимает твоё объяснение за обязательство.

Алиса поставила стакан на подлокотник. Она выглядела уставшей и потерянной, но всё ещё оставалась женщиной, которая сидела в моём доме рядом с моим мужем и ждала, когда мы закончим обсуждать передачу будущего.

— Я действительно не хочу отнимать у вас работу, — снова сказала она. На этот раз голос звучал мягче, почти примирительно. — Денис объяснял, что вы давно устали от ежедневного управления. Я могу заниматься внешними коммуникациями, но не претендую на вашу должность.

— Вы уже претендуете на последствия моего труда, — ответила я. — Возможно, пока не понимаете, сколько их.

— Я могу отказаться от фонда, если для вас это так важно, — произнесла Алиса. Её интонация выдала, что она считала предложение значительной уступкой. — Необязательно превращать всё в борьбу.

— Фонд важен не потому, что я хочу удержать красивую должность, — сказала я. — Он существует благодаря обещаниям, которые я лично давала людям десять лет. Вы не можете

просто отказаться от него или принять его как подарок от Дениса. Сначала придётся понять, за что вы отвечаете.

Денис чуть заметно кивнул, словно моя фраза подтверждала необходимость обучения.

— Именно об этом я и говорил, — заметил он. — Наташа, ты сама видишь, что переход требует времени. Необязательно сейчас воспринимать передачу дел как унижение.

Я посмотрела на него и поняла, что он использует даже мой отказ против меня. Стоило мне объяснить сложность работы, как Денис немедленно превратил объяснение в согласие обучать Алису.

— Я не сказала, что буду её учить, — произнесла я. — Я сказала, что ваши представления о моём труде примитивны.

Он хотел ответить, но телефон на столе завибрировал. Денис взглянул на экран и поднялся.

— Мне нужно ехать, — сообщил он. В его голосе появилось знакомое деловое нетерпение, будто разговор затянулся по моей вине. — Мы не решили ничего окончательно, но основное проговорили. Сегодня всем лучше сосредоточиться на работе.

— Ты считаешь, что это было спокойное обсуждение, после которого можно вернуться к обычному дню? — спросила я.

— Я считаю, что другого дня у нас нет, — ответил Денис. Он взял телефон и ключи, затем посмотрел на синюю папку. — Оставь документы здесь. Юристы ещё не подготовили финальную версию, и их распространение может повредить компании.

— Папка останется у меня, — сказала я. — Как и копии.

Его взгляд стал жёстким.

— Ты не имеешь права передавать внутренние документы посторонним.

— Пока я никому их не передавала, — ответила я. — Но собираюсь показать своему адвокату всё, что относится к моему разводу, доле и имуществу.

— У тебя уже есть адвокат? — спросил Денис. Впервые за утро он выглядел по-настоящему удивлённым.

— Пока нет, — сказала я. — Но будет сегодня.

Он несколько секунд молчал. Я почти видела, как внутри него меняется расчёт. До этого Денис исходил из того, что сможет объяснить мне условия сам, дозировать информацию и направлять реакцию. Адвокат означал человека, который не обязан был учитывать его уверенность, график или репутацию.

— Это твоё право, — произнёс он наконец. Голос снова стал ровным. — Только выбери специалиста, способного отличать интересы клиента от желания заработать на публичном конфликте.

— Я справлюсь, — ответила я. — Ты уже достаточно долго выбирал людей за меня.

Денис подошёл к Алисе и протянул руку, помогая подняться. Она встала осторожно, придерживаясь за подлокотник, затем застегнула пальто.

Возле двери Алиса остановилась и повернулась ко мне.

— Я надеюсь, что со временем мы сможем разговаривать без ненависти, — сказала она. В её голосе звучала усталость, но также ожидание, будто цивилизованность являлась моей обязанностью. — Я не хочу войны. Мне нужно думать о ребёнке.

— Тогда думайте о нём, — ответила я, не вставая из-за стола. — А мне придётся подумать о жизни, которую вы с Денисом уже начали делить без меня.

Она опустила взгляд. Денис открыл дверь, но перед тем как выйти, снова посмотрел на кольцо, лежавшее на папке.

— На следующей неделе у нас два публичных мероприятия, — напомнил он. — До них ещё есть время принять разумное решение.

— Я уже приняла, — сказала я. — Просто оно оказалось не тем, которое ты включил в план.

Дверь закрылась. Их шаги удалились по коридору, затем внизу хлопнула входная дверь. Через минуту за окном завёлся автомобиль и исчез за воротами.

Я осталась в кабинете одна. На столе лежали документы, кольцо и телефон, на который продолжали приходить рабочие сообщения. Руководитель стройки спрашивал о согласовании дверных ручек, бухгалтерия напоминала о платеже подрядчику, Максим уточнял время совещания.

Мир действительно ожидал, что я вернусь к работе.

Я взяла кольцо и положила его в верхний ящик стола. Не выбросила, не оставила Денису и не попыталась уничтожить. Двадцать лет нельзя превратить в красивый жест, даже если их конец оказался таким уродливым.

Потом открыла шкаф возле стены и достала небольшую дорожную сумку. В доме оставалось слишком много вещей, чтобы собрать их за один день, но мне были нужны документы, лекарства, несколько комплектов одежды и ноутбук. Остальное могло подождать до разговора с адвокатом.

Пока я складывала вещи, телефон снова завибрировал. На этот раз звонил Денис.

— Ты не должна уезжать из дома из-за одного разговора, — сказал он вместо приветствия. Судя по шуму, он находился в машине. — Это создаст ненужные слухи среди охраны и персонала.

— Охране я скажу, что временно живу ближе к объекту, — ответила я, продолжая складывать документы. — Это даже правда.

— Куда ты поедешь?

— В квартиру.

— В какую квартиру? — спросил он, и в голосе прозвучало раздражение от отсутствия информации.

— В арендованную, — сказала я. — Адрес тебе не понадобится.

— Не веди себя как подросток, — произнёс Денис. Он понизил голос, вероятно, чтобы Алиса на соседнем сиденье не слышала каждое слово. — Мы можем организовать отдельные спальни, график и минимальное общение. Побег ничего не решит.

— Я не бегу, — ответила я. — Я выбираю место, куда ты не приведёшь любовницу для утреннего совещания.

На другом конце возникла пауза.

— Я привёз Алису, потому что она является частью ситуации, — сказал он. — Не искажай мотив.

— Для меня достаточно результата, — ответила я. — Сегодня я не приеду в офис. Отчёт совету отправлю к вечеру, все срочные вопросы буду решать по телефону.

— У нас нет возможности выпасть из работы, — напомнил Денис. — Ты сама это понимаешь.

— Поэтому я и не выпадаю, — сказала я. — Просто больше не буду работать из дома, где моя личная жизнь стала частью твоей корпоративной реструктуризации.

Он хотел продолжить, но я завершила звонок. Несколько секунд смотрела на потухший экран, ожидая, что Денис перезвонит. Он не сделал этого. Вероятно, решил, что лучше дать мне время и вернуться к давлению позже.

Квартиру я нашла через агентство, которое размещало наших долгосрочных гостей и приглашённых специалистов. Мне предложили несколько вариантов, но я выбрала небольшую меблированную квартиру в десяти минутах от офиса. Она находилась на пятом этаже современного дома, не имела ничего общего ни с загородным особняком, ни с историческими интерьерами наших гостиниц.

Риелтор удивилась, когда я попросила оформить договор в тот же день и не указывать имя мужа в контактах. Я объяснила, что временно переезжаю ближе к стройке. Это была удобная версия, не требовавшая дополнительных вопросов.

Перед отъездом я прошла по дому. В спальню заходить не хотелось, но там лежали одежда и личные документы. Кровать была аккуратно застелена, на тумбочке Дениса стояла книга, которую он читал несколько месяцев, а в ванной висел его халат. Всё выглядело так, словно муж мог вернуться вечером, спросить, что будет на ужин, и не понять, почему я смотрю на него иначе.

В гардеробной я взяла два костюма, несколько платьев, джинсы, бельё и удобную обувь. Каждая вещь казалась принадлежащей женщине, которая ещё вчера планировала следующие десять недель вокруг открытия. Я не знала, сколько времени останусь в квартире и вернусь ли сюда когда-нибудь не за коробками.

На дне ящика лежала папка с медицинскими документами. Я обнаружила её случайно, вытаскивая дорожную косметичку. Несколько лет я не открывала эти бумаги, но теперь села прямо на пол и достала заключения врачей, результаты анализов и старый план лечения.

На одной странице стояла дата консультации, которую мы перенесли из-за кредитного комитета. На другой — рекомендация не откладывать больше шести месяцев. Последний документ подтверждал отмену начатой программы по моей просьбе.

Формально Денис был прав. Под заявлением стояла моя подпись.

Я помнила тот день. Мы сидели в машине возле клиники, и он объяснял, что без моего присутствия на презентации банк может заморозить транш. Денис не требовал отменять лечение. Он лишь перечислял суммы, сроки и число сотрудников, а потом замолчал, позволяя мне самой произнести, что мы попробуем позже.

После этого «позже» не наступило.

Я закрыла папку и положила её в сумку вместе с корпоративными документами. Возможно, юристу медицинские бумаги не понадобятся. Они были нужны мне самой, чтобы больше никогда не позволить Денису превратить историю наших решений в простую фразу о женщине, выбравшей карьеру.

В новую квартиру я приехала около полудня. В прихожей пахло свежей краской и чужим стиральным порошком. На стенах висели безликие чёрно-белые фотографии городов, в холлодильнике не было ничего, кроме двух бутылок воды, а в спальне лежали идеально ровные подушки, которыми никто ещё не пользовался.

Я поставила сумку на пол и впервые за сутки почувствовала, насколько устала. Хотелось лечь и исчезнуть хотя бы на несколько часов, но сначала необходимо было найти адвоката.

Софью Арсеньеву я знала не лично. Несколько лет назад она представляла интересы владелицы ресторана, чей бывший муж пытался вывести семейный бизнес через цепочку связанных компаний. Тогда мы встречались на отраслевом мероприятии, и Софья произвела на меня впечатление человека, который не повышал голос именно потому, что не нуждался в громкости.

Её номер сохранился у меня в контактах после короткой переписки по другому вопросу. Я смотрела на имя почти минуту, прежде чем нажать кнопку вызова.

— Софья Михайловна, добрый день, — сказала я, когда она ответила. Голос прозвучал хрипло, и мне пришлось откашляться. — Это Наталья Корсакова. Мы встречались на конференции гостиничного бизнеса.

— Добрый день, Наталья Андреевна, — отозвалась она сразу, и по тону я поняла, что она меня помнит. — Чем могу помочь?

Я открыла рот и впервые попыталась коротко сформулировать происходящее. Муж изменяет полтора года. Любовница беременна. Подготовлен план развода и выкупа моей доли. В

приложениях может быть согласие на сделки с личным имуществом. Каждое предложение звучало как фрагмент чужой истории.

Софья не перебивала. Только несколько раз задавала уточняющие вопросы: где находятся оригиналы, есть ли брачный договор, кому принадлежит загородный дом, как оформлена доля и какое имущество было получено до брака.

Когда я упомянула «Тихий берег», её голос стал особенно внимательным.

— Пансионат и земля принадлежат вам лично? — спросила она. На заднем плане послышался шелест бумаг, словно Софья уже открывала блокнот. — Наследство оформлено до брака?

— Да, — ответила я. — Но объект много лет находится в управлении холдинга. У Дениса есть доверенность на технические согласования и взаимодействие с органами власти.

— Доверенность нужно проверить немедленно, — сказала она. Интонация оставалась спокойной, но теперь в ней появилась жёсткость. — Пришлите мне копии брачного договора, корпоративного соглашения, документов на пансионат и всего плана, который вы нашли. До нашей встречи ничего не подписывайте, не обсуждайте стоимость доли и не соглашайтесь на устные гарантии.

— Я уже сфотографировала документы, — сообщила я. — Оригинал папки у меня.

— Хорошо, — ответила Софья. — Оригинал храните отдельно. Файлы отправьте на адрес, который я сейчас пришлю, и продублируйте через защищённую форму. Я смогу предварительно посмотреть их в течение часа.

Мы договорились встретиться вечером в её офисе. После звонка я отправила документы, поставила телефон на зарядку и всё-таки легла на кровать, не раздеваясь.

Сон не пришёл. Стоило закрыть глаза, как передо мной появлялись то Алиса в расстёгнутом платье, то Денис возле окна, говорящий, что она просто захотела семью. За этой фразой исчезали годы ожидания, перенесённые консультации и каждый раз, когда я соглашалась отложить себя ради общего дела.

Телефон зазвонил через сорок минут. На экране высветилось имя Софьи.

Я села и сразу ответила.

— Наталья Андреевна, я посмотрела основные документы, — сказала она без вступления. Голос стал ещё более собранным. — Мне потребуется полный договор управления «Тихим берегом» и сама доверенность, но уже сейчас есть неприятная деталь.

— Какая? — спросила я, чувствуя, как усталость снова отступает.

— В приложении к плану развода указаны реквизиты оценочной компании, — объяснила Софья. — Я связалась с ними как ваш предполагаемый представитель и попросила уточнить основание обработки сведений об объекте. Они подтвердили, что получили заказ на оценку земли и здания.

Я сжала телефон обеими руками.

— От Дениса? — спросила я.

— Заказчиком выступает банк, который финансирует «Дом Вельяминовых», — ответила Софья. Она сделала короткую паузу, позволяя мне понять услышанное. — Оценка проводится для определения возможной залоговой стоимости «Тихого берега».

За окном новой квартиры шумел город. В соседнем доме открывались окна, внизу сигналили машины, а где-то за стеной работал пылесос. Обычный день уже начался для всех, кроме меня.

— Я не давала согласия на залог, — произнесла я. — И не собиралась продавать пансионат.

— Значит, нам необходимо срочно выяснить, какие полномочия содержит доверенность и какие документы уже подготовлены, — сказала Софья. — До нашей встречи никому не сообщайте, что знаете об оценке. И особенно не говорите об этом мужу.

Я смотрела на медицинскую папку, лежавшую рядом с синей корпоративной. Утром Денис объяснял, что я сама выбрала карьеру вместо ребёнка. Теперь выяснялось, что он собирался использовать дом моей бабушки, чтобы профинансировать бизнес, из которого уже начал меня выводить.

Измены ему оказалось мало.

Денис готовился забрать не только моё место рядом с собой. Он уже назначил цену дому, с которого началась вся моя жизнь.

Глава 3. Моя подпись под чужой сделкой

Офис Софьи Арсеньевой находился в старом доходном доме недалеко от набережной, на четвёртом этаже без лифта. Обычно я оценивала подобные здания профессиональным взглядом: замечала сохранившуюся лепнину, неправильный оттенок краски на лестничных пролётах, дешёвые пластиковые выключатели рядом с дореволюционными дверями и неизбежно начинала представлять, сколько п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.